

Протоиерей
Николай
Агафонов

Стойние
Зои

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

протоиерей Николай Агафонов

Стояние Зои

«Лепта Книга»

2025

УДК 821.161.1-312.6 Агафонов
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Агафонов п.

Стояние Зои / п. Агафонов — «Лепта Книга», 2025

ISBN 978-5-6054908-1-4

Повесть известного писателя, лауреата Патриаршей литературной премии протоиерея Николая Агафонова, посвящена одному из самых загадочных событий советской эпохи – «Стоянию Зои», случившемуся в Куйбышеве в 1956 году. В эпоху расцвета атеизма оно стало для многих людей не только потрясением, но и началом духовного пробуждения. Опираясь на свидетельства очевидцев, автор не просто стремится воссоздать детали самого события, но исследует судьбы его участников, их внутренние драмы, столкновение веры и неверия, показывая, что подлинное чудо состоит в изменении человеческого сердца. Книга написана увлекательно, но в то же время простым языком, снабжена авторскими и историческими комментариями, и потому будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1-312.6 Агафонов

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6054908-1-4

© Агафонов п., 2025

© Лепта Книга, 2025

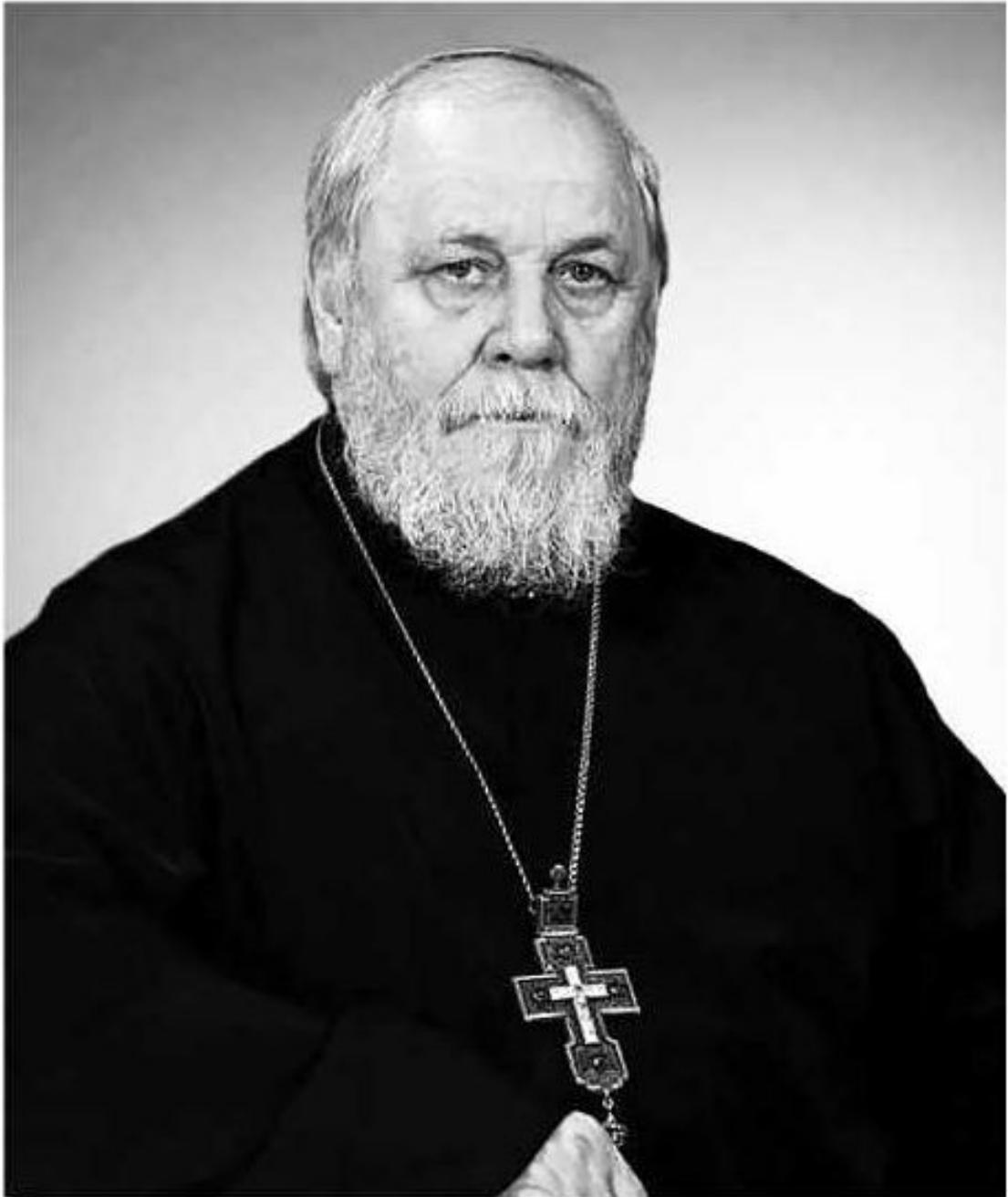
Содержание

От автора	7
Пролог	9
Глава 1. Любовь как в кино	11
Глава 2. Ночное дежурство	14
Глава 3. Да что у вас тут творится	17
Глава 4. Что с ней?	20
Глава 5. Зоя – это жизнь	22
Глава 6. Капитан Плетнев начинает действовать	25
Глава 7. Умник – козырный пацан	27
Глава 8. Андрей Андреевич	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Протоиерей Николай Агафонов

Стояние Зои

Повесть

К 70-летию со дня рождения протоиерея Николая Агафопова (1955–2019)

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви (ИС Р25-504-3053).

Разработка серийного оформления Е. Вишняковой.

© Агафонов Н. В. (наследники), 2025

© ООО «Издательство «Лепта Книга», 2025

* * *

От автора

«Не чудеса склоняют реалиста к вере...»¹ – говорит один из литературных героев Ф. М. Достоевского. С этим утверждением можно вполне согласиться, поскольку путь к Богу определяется в первую очередь прирожденным человеку свойством тяготения к своему Создателю. Эту мысль прекрасно выразил блаженный Августин: «Ты создал нас для Себя, и мятется сердце наше, доколе не успокоится в Тебе»².

К сожалению, приходится признать и тот факт, что не у всех одинаково «мятется сердце». Есть немало и таких людей, кто пребывает в духовной спячке. Причины тому могут быть разные: воспитание, пропаганда, леность души и тому подобное. А потому, чтобы был услышан спасительный призыв: «Душе моя, душе моя, востани, что спиши»³, человеку необходима встряска.

Такой встряской, например, может быть война, неизлечимая болезнь, любовь, сострадание к близкому человеку и, конечно же, ЧУДО. Именно чудо, как свидетельствуют многочисленные факты из жизни, бывает способно пробудить в человеке мысли о своей душе, о Боге.

Чудо стояния Зои в эпоху тотального атеизма для многих людей стало временем духовного трезвения.

С той поры прошло более полувека, а споры вокруг этого события не утихают и до сего дня. Пишутся книги, снимаются фильмы, ставятся спектакли. Каждый автор представляет свою версию этой необыкновенной истории. В этом смысле и моя повесть не является исключением. Она, несомненно, отражает и мой субъективный взгляд на произошедшее в 1956 году чудо. Да и возможен ли вообще объективный взгляд на события, ставшие легендарными уже в 60-е годы XX века? Для писателя куда важнее, чтобы он сам верил тому, что пишет. А я убежден, что основная канва событий в моей повести соответствует исторической действительности.

Сразу оговорюсь, что моя повесть не столько о самом чуде, сколько о том, что происходило вокруг этого чуда. Вообще, по моему твердому убеждению, настоящее чудо в художественном произведении невозможно изобразить. Ведь художественное произведение в большей или меньшей степени есть творческий вымысел автора. А если в чудо привнести хоть в малой степени вымысел, то оно превратится в фокус, иллюзионизм. И здесь не поможет мастерство писателя. Все попытки, например, изобразить чудо в кино проваливались, несмотря на современные спецэффекты. Чудо просто неповторимо.

Только сами люди и их отношение к этому чудесному событию могут быть предметом художественного повествования. При таком условии творческая фантазия писателя оправдана. А творческая фантазия для художественного произведения так же необходима, как воздух – для полета птиц. В свою очередь творческая фантазия становится реализмом в художественном произведении, лишь когда питается творческой интуицией автора, основанной на жизненной правде.

Герои моей повести не выдуманы, а взяты из жизни. Я их видел, я с ними общался. Да и многие из вас их видели и знают. Они жили или даже сейчас живут среди нас. Мне оставалось только взять их образы и поместить в Куйбышев 1956 года. Это в моей власти сочинителя. Не в моей власти лишь заставлять моих героев делать то, что не свойственно их натурам. Например, я не могу честного фронтовика Кузьму Петровича Сапожникова сподвигнуть на нечестный

---

¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы.

² Августин. Исповедь.

³ Из Великого канона Андрея Критского.

поступок. Не могу профессора медицины, убежденного материалиста и атеиста, сделать верующим христианином только потому, что он научно не может объяснить феномен стояния Зои.

Моя задача как писателя – дать полную свободу моим героям, и положительным, и отрицательным. Пусть живут и действуют согласно своим духовным устоям, а что из этого получилось, судить вам, моим дорогим читателям.

Пролог

От села Рождествено до Куйбышева⁴ летом можно добраться на теплоходе или моторной лодочке, а вот зимой надо ждать, когда встанет Волга. Рассказывали, что в добрые старые времена уже в конце ноября жители Рождествено начинали торить по льду тропы, а в декабре и лошадь с санями, да и полупорка⁵, спокойно проезжала. Только вот в 1955 году зимняя переправа долго не задавалась, и все из-за того, что запускали в работу наконец-то достроенную Куйбышевскую ГЭС⁶. Почитай с середины ноября и до конца декабря шлюзы постоянно то открывали, сбрасывая воду, то вновь закрывали. От резких перепадов воды лед ломался. Лишь в начале января 1956 года, когда ударили настоящие морозы, словно уставшая от борьбы с человеком Волга наконец-то встала.

В один из таких январских дней по зимнику от Рождествено в сторону Куйбышева неспешно трусил запряженная в сани пегая кобылка. Да и как поспешишь, коли дорога, словно змея, извивается между торосами вздыбившегося льда.

Когда же ледяные торосы закончились, лошадка побежала резвее. Вдали уже был виден знаменитый пивной завод фон Бокана, ныне переименованный в Жигулевский. Если же посмотреть на город правее пивного завода, то можно увидеть корпуса трубного завода имени Масленникова⁷.

На санях сидел еще не старый, лет сорока – сорока пяти, бородатый мужик в подшитых валенках и овчинном тулупе. Было непонятно, то ли он дремлет, то ли глубоко задумался, но только догнавшую его полупорку мужик, по-видимому, не услышал. А когда та просигналила, встрепенулся и, дернув вожжой, съехал с колеи в снег. Шофер, молодой парень, проезжая мимо, снизил скорость и, высунувшись в окно, весело прокричал:

– Чего спишь, Михеич? Небось, тетя Нюра спать не дала?

– Езжай, пустобрех, – беззлобно махнул рукой мужик.

– Со старым Новым годом тебя! – крикнул парень и, надав газу, так что из-под колес грузовика завихрилась снежная поземка, помчался дальше.

На санях рядом с Михеичем зашевелилась дерюга. Из-под нее выбрался еще один мужик, тоже пожилой, но без бороды, зато с пышными буденновскими усами. Вместо левой ноги у него торчал деревянный протез. Усевшись рядом с возницей, усач достал кисет и стал сворачивать сигарку.

– Что за шум, а драки нет? – спросил он бодрым голосом, слюнявя краешек бумаги.

– Да так, ничего, – Михеич махнул рукой в сторону удаляющейся полупорки, – вишь, как племян мой лихачит? Шалопай, одним словом.

– Ах, вон оно как, – многозначительно протянул безногий, раскуривая самокрутку, – племянник, значит, лихачит, а мы с тобою в хвосте прогресса плетемся, а вернее, в хвосте твоей кобылы.

Сказал и засмеялся. Товарищ на это нисколько не обиделся, а тоже засмеялся:

---

⁴ Куйбышев – историческое название города Самары в период с 1935 по 1991 год.

⁵ Полупорка – разговорное название советского грузового автомобиля ГАЗ-АА, выпускавшегося с 1932 по 1950 год. Основная модель среднего грузовика в СССР в предвоенные и военные годы. Имел грузоподъемность 1,5 тонны, отсюда и получил свое неформальное народное название.

⁶ Куйбышевская гидроэлектростанция – одна из крупнейших ГЭС в Европе, расположена на Волге в Самарской области России. Входит в состав Волжско-Камского каскада и является ключевым объектом электроэнергетики Поволжья.

⁷ Завод имени А. А. Масленникова – советское оборонное предприятие, расположенное в Куйбышеве, существовавшее в период с 1909 по 2006 годы. Основным направлением деятельности являлось производство элементов боеприпасов и взрывателей для нужд Советской армии, а также выпуск гражданской продукции, включая бытовые холодильники и автокомплекующие. Название закрепилось в честь Александра Александровича Масленникова – руководителя завода в послевоенные годы, внесшего значительный вклад в развитие предприятия и оборонной промышленности СССР.

– Кобыла-то, чай, не моя, а колхозная, – и, причмокнув губами, замахнулся на лошадь вожжами, – а ну пошла, родимая!

– Вот теперь вижу, что колхозная, коли скотинку не жалеешь. А все же ты поосторожней, а то еще ненароком племянника обгонишь, – съязвил безногий и неожиданно громко запел:

Волга-реченька глубока,
Бьет волнами берега.
Мил уехал, не простился,
Знать, любовь не дорога.

Словно подхватывая его песню, со стороны завода имени Масленникова донесся протяжный гудок.

– Конец трудового дня, – кивнул Михеич в сторону заводских цехов.

– Кому конец, а кому и начало, – улыбнулся его товарищ, – вот она, жизнь-то, какая.

– Что за начало? – полюбопытствовал Михеич.

– Тебя же племянник поздравил? Сегодня, чай, четырнадцатое число наступило, значит, по-старому первое. Вот и выходит начало нового года.

Возница натянул вожжи:

– Тпру... родимая. Ну, раз Новый год наступил, то оно и по маленькой не грех.

– Это можно, – согласился одноногий и, пошарив в сумке, достал зеленую фляжку.

– Так ты, гляжу, фляжку-то сберег, я вот свою в Германии утерял.

– Без меня Берлин брал, вот и потерял.

Друзья поочередно приложились к фляжке. Петрович, аккуратно завернув крышку, убрал ее в сумку и снова неожиданно запел:

Понапрасну небо ясно,
Одна звездочка горит.
Понапрасну милых много —
Об одном сердце болит.
Куплет пели уже в два голоса:
Ах, Самара-городок,
Беспокойная я,
Беспокойная я,
Успокой ты меня.

Глава 1. Любовь как в кино

Из проходной трубного завода имени Масленникова валил рабочий люд. Молодые рабочие, в большинстве своем не спешившие домой, тут же за проходной собирались в небольшие группы и оживленно общались. Смеялись, балагурили, обсуждали, как проведут выходной день. Заводские ветераны, глядя на молодежь, снисходительно улыбались и неспешно шли к трамвайным и автобусным остановкам.

От одной молодежной стайки отделились две девушки лет семнадцати-восемнадцати. Отойдя в сторону, они остановились так, чтобы им было удобно наблюдать за заводской проходной.

Одна из девушек, явно выказывая нетерпение, подпрыгнула, стараясь разглядеть кого-то через головы выходящих.

– Зойка, ты что, совсем сдурела! – одернула ее подруга. – На нас же смотрят, а ты прыгаешь тут как коза. Чего люди-то подумают?

– А пущай себе думают. Я, между прочим, своего парня жду, а не чужого.

– Тоже мне, своего, – хмыкнула подруга, – всего-то две недельки, как встречаетесь. В нашем цеху, между прочим, девчонок много. Так что сегодня твой, а завтра чужой.

– Ну уж нет, – самодовольно засмеялась Зоя, – у нас любовь, как в кино.

– Знаем мы это кино, – махнула рукой подруга, – погуляют, да и бросят.

– Мой не бросит... А, вот и он идет, – радостно воскликнула Зоя и энергично замахала руками: – Коля, Коля! Мы здесь.

От толпы отделился молодой парень среднего роста в сером драповом пальто и цигейковой шапке с кожаным верхом. Он направился к девушкам, а следом за ним шел высокий, чуть сутуловатый молодой человек в коричневом пальто с каракулевым воротником и в каракулевой же шапке пирожком. Молодые люди остановились перед девушками. Парень в каракулевой шапке держался позади своего приятеля и глядел куда-то в сторону, стараясь всем своим видом показать, что он оказался здесь чисто случайно.

Николай, подойдя к Зое, взял ее за руку. Лицо девушки при этом зарделось, и она опустила голову.

– Может, в киношку мотнемся? – спросил парень.

Девушка слегка фыркнула:

– А чего там смотреть? У нас в «Заре» уже третий день «Чука и Гека» крутят, это для школьников.

– Эка невидаль, в «Победу» ходим, там про любовь кино.

– У меня другое предложение, – Зоя лукаво сощурила глаза.

– Излагай, – согласился Николай, широко улыбаясь.

– Нас пригласили сегодня в гости. Ты как, не против?

Парень неопределенно пожал плечами:

– А что мы там будем делать?

Зоина подруга прыснула смехом.

– Так чего еще делать? – смутилась Зоя. – Новый год отмечать.

– Уж две недели прошло.

– А теперь старый Новый год, – не унималась девушка.

– Вот еще придумали. А кто же пригласил?

– Ты его все равно не знаешь, это Ларискин ухажер, – при этих словах Зоя кивнула в сторону подруги, – его Вадимом зовут. У него дома, между прочим, есть новый патефон и пластинки разные. Будет весело, потанцуем.

Николай колебался недолго и после того, как Зоя слегка сжала его пальцы рук, улыбнувшись, согласился:

– Ну, раз весело, можно и пойти.

Зоя победно глянула на подругу и вновь обратилась к Николаю:

– Адрес запомнишь? Улица Чкалова, дом восемьдесят четыре. Там во дворе несколько восемьдесят четвертых домов, так наш третий. В случае чего спросишь: где тут живет Болонкина? Это мама Вадима. Только не опаздывай, мы к девяти часам собираемся. Придешь?

– Ладно, приду.

– Тогда до встречи.

Подруги засмеялись и, взявшись за руки, побежали к трамвайной остановке. Лариса на бегу обернулась и, помахав рукой, прокричала:

– С праздничком вас, товарищ Хазин!

Когда девушки перешли Новосадовую улицу, Зоя сбросила:

– Кто такой Хазин?

– Вот ты, девка, даешь, – удивилась Лариса, – Хазина не знаешь! Это же комсорг⁸ нашего цеха. Ах, да, ты ведь у нас недавно, значит, еще узнаешь. Этот Хазин, между нами говоря, зануда еще тот. Ты обратила внимание, как он нас глазками-то сверлил? Небось, завидно, что другие гулять будут, а его не пригласили.

– А чего ему завидовать? У него, я думаю, и своя компания есть.

– Знаем мы их компанию, по соцсоревнованию, – и довольная тем, что так складно получилось, Лариска громко рассмеялась.

Когда девушки отошли, Хазин насмешливо пропел: «...Конец рабочего дня. /И снова у проходной/ Встречает милый меня».

– Ну-ну, посмейся, я-то со своей девушкой после работы встречаюсь, а ты со своей Светкой сегодня полмены проболтал.

– Да встречайся на здоровье, только я тебя подружески хочу предупредить, компанию ты себе не ту подобрал.

– Ты о чем? – удивился Николай.

– А о том, Коля, что Вадим Болонкин, к которому ты в гости сегодня намылился, еще тот субъект.

– Поясни.

– А чего тут пояснять? Мамаша его, Клавдия Петровна, у Центрального рынка пивом торгует, а сынок, между прочим, вор-рецидивист.

– Откуда знаешь? – растерянно спросил Николай.

– А чего не знать, коли земля круглая. Болонкину мои родители знают, да и сыночек известен. Кстати, для сведения, этот субъект недавно с отсидки вернулся.

Николай остановился и поскреб затылок.

– Во, во, почеси репу-то и подумай, что у тебя, комсомольца⁹, может быть общего с карманником¹⁰. Да и праздник какой-то поповский. Старый Новый год. Ерунда это все на постном масле.

---

⁸ Комсорг – сокращенное разговорное название должности руководителя первичной комсомольской организации или группы. Обычно являлся членом бюро комсомольской организации, отвечал за проведение мероприятий, пропаганду идей Ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ), работу с молодыми членами организации и их политическое воспитание. Должность существовала на предприятиях, в учебных заведениях, учреждениях и воинских частях, где была создана первичная комсомольская ячейка. Термин широко использовался в советское время, особенно в 1920-1980-е годы.

⁹ Комсомолец – разговорное и официальное название члена Ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ), сокращенно – комсомол. Членство в комсомоле было доступно для молодежи в возрасте от 14 до 30 лет, проявлявшей интерес к идеям социализма и активной общественной деятельности. Комсомольцы участвовали в строительстве новых предприятий, военных учениях, политико-просветительской работе, а также в реализации партийных и государственных инициатив. Организация была распущена в 1991 году после распада СССР.

- Зойка обидится, – озадачился Николай, – я ведь ей обещал.
- Хазин пожал плечами:
- Смотри сам. Сейчас ты на хорошем счету, а можешь все себе испортить.

---

¹⁰ Карманник – разговорное название профессионального вора, специализирующегося на совершении краж из карманов одежды, сумок, рюкзаков и других личных вещей граждан.

Глава 2. Ночное дежурство

Гафнутьев Демьян Михеич довез Сапожникова Кузьму Петровича до трамвайной остановки, где старые товарищи тепло распрощались. Трамвай повез Сапожникова на улицу Чакалова, где он работал сторожем зеркального цеха. А его товарищ повернул кобылку в сторону Волги, чтобы возвратиться к себе домой в Рождествено.

Демьян Михеич правил лошадкой и, улыбаясь в бороду, думал о своем фронтовом друге Кузьме Сапожникове. Сколько он его помнил, Кузьма всегда был весельчаком и балагуром. Даже когда под Кенигсбергом¹¹ его серьезно ранило в ногу, так и то не перестал шутить. Санитаров рядом не оказалось, Михеич сам тащил друга на себе. А когда тот очнулся, то первым делом спросил: «Куда меня ранило?» – «В ногу ранило, – отвечал Михеич, – потерпи малость, скоро донесу». Раненый не унимался: «А сапог-то цел? Алии его фрицы тоже попортили?» Михеич и остановился. «Какой еще тут сапог, когда почитай всю ступню разворотило. Ногу перевязал, как сумел, но кровь все равно шла. Уж скорее бы дотащить до медсанбата. Однако твой сапог цел, куда ему деваться». – «Вот обрадовал ты меня, а то ведь я только что новые сапоги получил. Нога-то, Бог с ней, заживет, куда денется, а вот обувку было бы жаль».

Ногу отняли, и Михеич через несколько дней поехал в госпиталь утешать друга-калеку. Еще в коридоре госпиталя он услышал, как Кузьма Петрович задорно поет частушки, развлекающая медсестер и раненых товарищей.

«Как ты?» – сочувственно кивнул на перевязанную культю ноги Михеич. «А, чего там, – отвечал Кузьма, – руки целы, голова на месте, оно и с одной ногой жить можно». Вот такой это был человек.

К ночному дежурству Кузьма Петрович подготовился основательно. Новый год по старому стилю он чтит даже превыше общепризнанного Нового года, а потому все необходимое для встречи праздника взял с собою.

Придя на дежурство, расположился, как всегда, в зеркальном цехе у стола с газетой в руках. Газету обычно прочитывал всю, но не с первой страницы, а начиная с последней. Однако на этот раз всю осилить не смог и как дошел до передовицы, где писали о подготовке к областной партийной конференции, так и задремал, уронив голову на руки. Пospав таким образом с часок, встрепенулся, поднял голову и, поглядев на стенные ходики¹², многозначительно произнес:

– Пора, брат, пора.

С этими словами он встал из-за стола и заковылял к умывальнику.

Поплескав себе на лицо воды, Кузьма Петрович вытерся уже не первой свежести полотенцем и стал готовить праздничный стол. Вначале аккуратно расстелил на столе недочитанную им газету. Затем запустил руку в сумку и выудил оттуда краюху ржаного хлеба. За хлебом последовал завернутый в тряпицу кусок соленого сала. Он с наслаждением вдохнул в себя чесночный дух и стал нарезать сало тонкими ломтиками. Вслед за этим были извлечены несколько вареных в мундире картошек и пол-литровая банка квашеной капусты.

«Опля!» – произнес Кузьма Петрович и, словно изображая фокусника, извлек из сумки свою заветную зеленую фляжку. Затем, прищурился одним глазом, любовался с минуту на сотворенный им натюрморт. Картина, повидимому, вполне удовлетворила Кузьму Петровича, потому как, довольно хмыкнув, он пошарил в ящике стола и достал оттуда граненый стакан. Дунув в

---

¹¹ Кенигсберг (лат. Regiomontium – букв. «королевская гора») – историческое название города Калининграда (Россия), которое он носил с XIII века по 1946 год.

¹² Настенные ходики – разговорное название настенных часов с маятником и гириями или пружинным механизмом.

него, придирчиво осмотрел на свет, для верности протер края стакана указательным пальцем, а затем наполнил его на две трети.

Встав из-за стола, он застегнул верхнюю пуговицу потертой гимнастерки и огляделся. Вокруг стояли и лежали готовые зеркала. Большие, почти в рост человека, предназначенные для шифоньеров, и поменьше – для умывальников. Прихватив стакан, Кузьма Петрович заковылял к одному из больших зеркал.

Глядя на свое отражение, он приосанился и торжественно произнес:

– Страна доверила тебе, товарищ Сапожников, архиважное дело – охрану социалистической собственности. Ты уже не раз оправдывал это высокое доверие. Верим, что и впредь оправдаешь, а потому будь здоров и не кашляй, дорогой товарищ. С Новым годом тебя! – при этих словах он осторожно, чтобы не разбить зеркало, чокнулся с отражением и не торопясь выпил содержимое стакана.

Занюхав водку рукавом гимнастерки, подкрутил ус и, озорно подмигнув «зазеркальному собутыльнику», стал отбивать ритм костылем об пол, а потом неожиданно на высокой ноте запел:

Хорошо тому живется,
У кого одна нога,
И порточина не рвется,
И не надо сапога.

Лихо развернувшись на месте, Кузьма Петрович заковылял к столу и, присев на табурет, принялся неторпливо закусывать. С аппетитом поев, бывший старшина вытер тыльной стороной ладони губы и вынул из кармана кисет с табаком. Аккуратно оторвав от газеты кусочек бумаги, он стал скручивать сигарку, мурлыча под нос:

Мы родную землю защищали,
Каждый маленький клочок,
Эх, не зря же жгли мы на привале
Партизанский табачок.

Заложив за ухо готовую самокрутку, Кузьма Петрович снял с вешалки телогрейку и, накинув ее на плечи, направился к выходу. Курить в цеху он себе не позволял. Выпить – это одно: про то в инструкциях ничего не написано, а вот курить ни-ни, на то есть правила пожарной безопасности.

Шел снег. Прищуриль глаза, Кузьма Петрович любовался на покрытую девственно-белым ковром улицу Чкалова и продолжал мурлыкать свою песенку:

Ох! Махорочка-махорка,
Породнились мы с тобой,
Вдаль глядя за горы зорко,
Мы готовы в бой!

Во дворе дома, что напротив цеха, послышались испуганные крики. Затем калитка распахнулась, и на улицу буквально вывалилась компания молодых людей. При этом какая-то девушка сквозь слезы причитала:

– Боже мой, Боже мой, что это было? Маменьки родные, да что это такое?

Одного из парней вытошнило прямо на снег.

Кузьма Петрович брезгливо поморщился, праздничное настроение было испорчено.

– Вот она, молодежь, наша смена, тьфу! – плюнув с досады, затушил окурок и уже соби-
рался вернуться в цех, как один парень кинулся к нему.

– Постой, батя, у тебя же телефон в дежурке, я знаю!

– Ну а раз знаешь, значит, должен знать, что этот телефон только для служебного поль-
зования.

– Да ты чего, батя, с дуба рухнул, какое еще служебное? Там с девушкой непонятно что
происходит.

– С этой? – презрительно хмыкнул сторож, кивнув головой в сторону девицы, продол-
жавшей свои причитания.

– С этой все нормально, та в доме осталась, – напирал парень. – Да что языком-то трепать,
давай в «скорую» звонить.

– Не положено, – и Кузьма Петрович заслонил собою дверь.

– Елки-моталки, вот заладил: положено да не положено! А умирать молодой девушке
положено? – наступая на сторожа, истерично заорал парень.

– Но-но, охлонись малость, а то вместо «скорой» в милицию позвоню!

– Да плевать, звони куда хочешь, – продолжал кричать парень, – но если девушка помрет,
это уже на твоей совести будет!

– Эко куда повернул, – не то удивленно, не то растерянно крикнул Кузьма Петрович и
отступил от двери. – Ладно, чего орешь, идем со мной, сам все будешь врачам объяснять.

Глава 3. Да что у вас тут творится

Застолье в доме начальника Ленинского райотдела милиции Тарасова Михаила Федоровича по случаю присвоения ему очередного звания подполковника завершилось за полночь. Гости расходились шумно, даже с криками «ура». Проводив всех, Тарасов не спешил возвратиться домой. Он прислонился к дверному косяку плечом и с наслаждением вдыхал свежий морозный воздух.

Улица, в дневное время постоянно оглашаемая грохотом трамваев, теперь, в ночные часы, была необычно тиха. Тарасов вдруг ощутил ностальгическую тоску по тишине. Не этой, временной, а настоящей. Той тишине, которая возможна только где-нибудь в забытом Богом деревенском уголке.

Зябко передернув плечами, он подумал: «Еще пяток годков потяну ляжку, получу полковника, и на пенсию. А тогда даже дня в городе не останусь. Как там говорил классик: “В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов”. Буду рыбачить, охотиться, книжки почитать». Тарасов мечтательно вздохнул и пошел в дом.

Телефон, словно дожидаясь возвращения хозяина, разразился продолжительной трелью. Поморщившись, подполковник все же снял трубку и сердито буркнул:

– Тарасов у аппарата.

В трубке раздался взволнованный голос лейтенанта Мельникова:

– Товарищ майор! Ой, простите, товарищ подполковник, у нас на участке ЧП.

– Докладывай, – сохраняя недовольный тон, сказал Тарасов, хотя и понимал, что в столь поздний час его по пустякам тревожить не станут. Неурочный звонок мог означать и такое, что случилось убийство, да не простая бытовуха¹³, а что-нибудь этакое, о чем еще придется докладывать выше.

– На улице Чкалова в доме 84 застыла девушка с иконой в руках... проще сказать, окаменела.

– Слушай, Тарасов, а ты сам, часом, не того?..

– Михаил Федорович, – в голосе Мельникова зазвучали нотки обиды, – вы же меня знаете, я не пью, а на дежурстве – тем более.

– Я не об этом, а о том, не тронулся ли ты умом, лейтенант?

– Да от того, что увидел, пожалуй, можно и тронуться.

– Ладно, – оборвал его Тарасов, – а чего мнето звонишь? Ну, окаменела баба, с кем не бывает. Протрезвится и помягчает. А если кому-то плохо, тогда «скорую» вызывай, а не баламутить начальство.

– Товарищ подполковник, вам лучше самому посмотреть. «Скорая» уже была, да от этого толку мало. Считаю, что обстановка может выйти из-под контроля. Уже сейчас здесь народ кой-какой ошивается, в дом пытаются проникнуть. А с утра, когда слухи разнесутся по городу, я и сам не знаю, что тут будет... Словом, необходимы ваши личные указания.

– А. – досадливо махнул рукой Тарасов, – все равно в толк не возьму, чего ты там городишь. Жди, разберемся на месте.

Через полчаса он входил в райотдел милиции. Его встретил дежурный по отделу лейтенант Петр Мельников. Вид у того был до того потерян, что Тарасов вместо пожатия руки просто похлопал парня по плечу:

---

¹³ Бытовуха – разговорное, жаргонное название правонарушения или преступления, совершенного в условиях бытового конфликта, чаще всего между родственниками, супругами, соседями или знакомыми. Обычно речь идет о таких деяниях, как мелкое хулиганство, побои, угрозы, а также более тяжкие преступления, возникшие на фоне личных, семейных или бытовых ссор.

– Ладно, пойдем в кабинет, там все и расскажешь.

В небольшой комнате, уставленной шкафами с папками, Тарасов, не снимая шинели, сел к письменному столу на шаткий стул и бросил на стол свою шапку. Затем достал портсигар, закурил папиросу и посмотрел на лейтенанта. Тот нервно теребил портупею.

– Чего стоишь? Садись.

Мельников тут же присел напротив и тоже снял свою шапку, но на стол не положил, а мял в руках.

– Закуривай, – Тарасов пододвинул Мельникову портсигар.

Мельников машинально взял портсигар, но тут же положил обратно.

– Спасибо, товарищ подполковник, не курю.

– Молодец, значит, здоровеньким помрешь, – мрачно пошутил Тарасов и вздохнул: – Мне бы тоже бросить, да фронтная привычка. Ну, давай все по порядку, только кратко, воды, сам знаешь, не люблю.

Выпустив папиросный дым в сторону от Мельникова, он вновь глянул на него и в удивлении присвистнул:

– Ого! Ты чего это с волосами сделал?

Мельников машинально провел по голове рукой и непонимающе уставился на начальника.

Тот протянул к нему руку. Мельников смутился, но головы не отдернул. Перебирая пальцами седую прядь волос двадцатишестилетнего лейтенанта, Тарасов покачал головой:

– Доводилось такое видать, но то было на войне... Да что у вас тут творится?

– Значит, так, – начал Мельников, массируя себе виски, – в двадцать три часа восемнадцать минут минувших суток к нам поступил сигнал со станции скорой помощи. Сообщили, что в доме № 84 по улице Чкалова, где проживает гражданка Болонкина Клавдия Петровна, находится восемнадцатилетняя девушка в непонятном состоянии. То ли мертва, то ли жива – они установить затрудняются. Я взял с собою сержанта Котина, и мы направились по указанному адресу. То, что увидели в доме... короче, лучше бы этого совсем не видеть.

– Так все же, что вы там увидели? – прервал Мельникова Тарасов, закуривая новую папиросу.

– Разрешите? – Мельников взял со стола графин с водой и, наполнив стакан, залпом выпил.

– Там, товарищ подполковник, посреди комнаты стоит девушка с иконой в руках. Вначале я подумал, что это статуя. Ну, одели в платье и поставили. Дотронулся до нее рукой, а она живая. Вы представляете, живая статуя! Уж поверьте мне, зрелище жуткое. Сержант Котин, тот как глянул, так и вовсе из дома убежал. Потом мне заявил: «Пусть меня из органов увольняют, но в комнату с каменной бабой не пойду».

– С чего же ты решил, что она живая? Может, действительно кто-то статую в дом принес? – усмехнулся Тарасов. – Какой-нибудь умник решил подшутить над родной милицией.

Мельников посмотрел на своего начальника удивленным взглядом.

– Что же я, живого человека не распознаю?

– Если живая, так чего же она стоит?

– Так она же окаменела, товарищ подполковник!

– Ну, ты брось мне сказки рассказывать, как это можно окаменеть? Ты сам-то что выяснил? Откуда эта каменная девка взялась?

– Если коротко, товарищ подполковник, то из опроса свидетелей дело обстояло следующим образом. В квартире гражданки Болонкиной собралась компания отметить Старый Новый год. Самой хозяйки дома не было: она ушла к подруге в гости, а дом предоставила для молодежи. Гостей принимал ее сын, Вадим Сергеевич Болонкин.

– Постой-постой, а не тот ли это Болонкин, что проходил у нас по делу о карманных кражах?

– Тот самый, Михаил Федорович. Недавно вернулся из мест заключения. Это его вторая ходка, первая еще по малолетке была. Среди блатных кличка Умник.

– Шибко умный, что ли? – любопытствовал Тарасов.

– Книжки любит читать, вот и прослыл умником.

– Ладно, чего там дальше?

– Собрались у этого Умника парни и девчата. Посидели, выпили, включили патефон и стали танцевать. У одной из девушек, Зои Карнауховой, нормировщицы¹⁴ с Трубно́го завода, не пришел ее парень. Вот она от обиды и взяла с божницы¹⁵ икону Николы Угодника¹⁶, вроде парня ее тоже звали Николай, да и пошла с этой иконой танцевать. Во время танца, как утверждают свидетели, произошло что-то невероятное. Некоторые вроде гром слышали. Кто-то видел свет, как от молнии, а в квартире так наоборот свет погас. Впоследствии выяснилось, что это выбило пробки. Когда же свет включили, то увидели, как эта самая Зоя стоит, словно окаменевшая, посреди комнаты с иконой в руках. Ну, они, естественно, испугались и выскочили из дому на улицу. Потом все же сообразили в «скорую помощь» позвонить. Медики приехали и тоже впали чуть ли не в шок от увиденного. Стоит эта девушка как мертвая, а сердце послушали – бьется, значит, выходит, жива, да и дыхание есть. Попытались сделать уколы, но мышцы тела до того сжаты, что иголка гнется или ломается, но в тело не проникает.

– Погоди, лейтенант, а чего же они тогда ее в больницу не увезли?

– Пытались, так от пола не смогли оторвать. Она словно к нему приросла.

– Да это же бред? Цирк, да и только! Ну прямо шапито! Фокусы! Я тебе, лейтенант, вот что скажу: головы вам заморочили, – Тарасов решительно встал. – Пойдем разбираться на месте. Надо выяснить, кто это все подстроил. Тут, как я посмотрю, не только милицию, но и даже нашу советскую медицину ввели в заблуждение.

---

¹⁴ Нормировщица – работница, выполняющая функцию нормирования труда на производстве, то есть установление и контроль за соблюдением норм выработки, времени, расхода материалов и других показателей трудовой деятельности. Обычно занималась сбором данных о рабочем процессе, анализом трудозатрат и составлением нормативов для повышения эффективности труда.

¹⁵ Божница – народное название внутреннего уголка в доме, где устанавливались иконы и другие религиозные атрибуты для домашнего моления; также может обозначать киот (специальный шкаф или полка) для хранения икон.

¹⁶ Икона Николы Угодника – одна из самых почитаемых икон в православии, изображающая святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мир Ликийских.

Глава 4. Что с ней?

Напротив дома 84 по улице Чкалова стоял автомобиль «скорой помощи» с включенным двигателем. В кабине «скорой» мирно дремал шофер. Возле самого дома стояли человек десять-двенадцать и что-то бойко обсуждали между собой. Завидев подходившего лейтенанта с начальником районной милиции, они наперебой стали просить:

– Дайте нам взглянуть на каменную бабу. Почему нас не пускают?

– Не положено. Идите на своих каменных баб любуйтесь, – зло пошутил Тарасов, – а здесь смотреть нечего.

Люди зароптали, но расходиться не стали. У дверей дома стоял сержант Котин. Отдав честь Тарасову, он успел шепнуть Мельникову:

– Товарищ лейтенант, подмога требуется. Народ прямо с ума сходит, уже через окно пробовали забраться.

На кухне сидела уже немолодая, слегка полноватая женщина. Это была хозяйка дома Клавдия Петровна Болонкина. Врач мерила ей давление. Увидев вошедшего подполковника, Болонкина испуганно глянула на него припухшими от слез глазами и сразу отвернулась. Врач, закончив измерять давление, вопросительно поглядела на начальника милиции.

Еще с войны Тарасов трепетно относился ко всем медицинским работникам, а потому сразу же поспешил вежливо представиться:

– Начальник Ленинского райотдела милиции подполковник Тарасов.

– Калашникова Анна Петровна, врач «скорой помощи», – вставая с табурета, в свою очередь представилась женщина и, не дожидаясь со стороны милицейского начальства вопросов, указала рукой в сторону двери, ведущей в горницу. – Пойдемте, я вас провожу.

Она вошла в комнату первая, а за ней прошел Тарасов. В одной половине горницы стоял сдвинутый к стене стол с остатками праздничного ужина и початыми бутылками водки и вина. В другой половине спиной к ним стояла девушка в крепдешиновом платье голубого цвета. Ее густые светло-русые волосы волнами спадали на плечи, и Тарасов, еще не видя лица девушки, подумал: «Наверное, красавица». Он обошел ее кругом. Девушка действительно оказалась красивой, но Тарасова больше всего поразил ее взгляд. Широко открытые глаза были устремлены на икону, которую она держала в руках. Во взгляде читался одновременно и испуг, и удивление.

Тарасову захотелось тут же выйти, как будто в комнате не хватало воздуха, но он, пересилив себя, спросил:

– Что с ней? – голос его был хриплый и прозвучал глухо.

– Сами понять не можем, – тут же отозвалась врач, и тоже негромко, как обычно стараются говорить при покойниках. – Такой общей спазмы мышц в медицинской практике никогда не наблюдалось.

– А почему не вынули из рук икону? – Тарасов и сам не заметил, как перешел на шепот, словно боясь, что его услышит застывшая девушка.

– Пробовали. Не получилось. Хотели в больницу увезти, но не смогли оторвать от пола, словно она к нему приросла.

– Каким образом?

Врач развела руками:

– Один Бог ведает, каким.

– А вы что, в Бога верите?

Врач ничего не ответила.

– Может быть, каким-то клеем ноги и туфли намазаны? – не то спросил, не то размышлял вслух Тарасов.

Врач молча пожала плечами.

Простояв с минуту, что-то обдумывая, Тарасов вышел из горницы. Проходя мимо кухни, он поманил Мельникова рукой, чтобы тот следовал за ним.

– Вот что, лейтенант, – сказал Тарасов, когда они вышли в сени, – ты оставайся пока здесь, утром пришлю замену. В дом никого не пускать. Хозяйке скажи, чтобы пожила временно у родственников, а я буду звонить начальству – пусть сами кумекают, что со всей этой мистикой делать.

Глава 5. Зоя – это жизнь

Анастасия Егоровна Карнаухова всю ночь так и не сомкнула глаз, ждала дочь. Расстались они со скандалом. Мать была категорически против таких поздних вечеринок, но дочь вспылила: «Мама, ну сколько можно меня пасти? Я, между прочим, уже взрослый человек. Что же мне всю жизнь подле тебя сидеть прикажешь? Имею я, в конце концов, право погулять в свой выходной или нет?» – «Имеешь, доченька, имеешь, да только почему так поздно? Рано тебе по ночам гулять», – пробовала возразить Анастасия Егоровна. Но дочь, ничего не ответив, хлопнула дверью и ушла.

Присев к столу, Анастасия Егоровна поплакала немного, утерла слезы уголками повязанного на голове платка и, подперев правую рукою щеку, горестно задумалась.

Дочь родилась 19 декабря тридцать восьмого года, через два месяца после проводов мужа Павла в Красную Армию. Уже перед самым расставанием, на сборном пункте, он попросил: «Коли у нас родится сын, назови его в честь моего отца – Афанасием». «А если девочка?» – сквозь слезы улыбнулась Анастасия. «Тогда пусть будет Зоей», – ответил Павел. «Почему Зоя? – удивилась она. – У нас никого в родне нет с таким именем». – «Потому что это имя означает “жизнь”, – пусть наша девочка живет счастливо».

Когда Зое исполнилось полгода, из Саратова приехала свекровь. Узнав, что ее внучка до сих пор не крещеная, она деятельно принялась разыскивать хоть какого-нибудь попа. Дело в том, что в единственном православном храме города в честь святых апостолов Петра и Павла служба не совершалась уже в течение года из-за отсутствия духовенства. В 1937 году епископа, всех священников и церковный актив арестовали, а вскоре и расстреляли. Не избежало мученической смерти даже обновленческое духовенство¹⁷ Покровского собора. Теперь в Куйбышеве не осталось ни одного действующего храма.

Священник вскоре отыскался. Отбыв срок на строительстве Беломорканала¹⁸, отец Василий приехал в Куйбышев и устроился работать в горхозе¹⁹ истопником²⁰ общественной бани. Просьбы о крещении или отпевании совершал с опаской и только через проверенных людей.

Сговорились о крещении на квартире одной из духовных дочерей отца Василия, но в тот день батюшку так и не дождались. На следующий день узнали, что священника арестовали вновь.

Анастасия страшно испугалась этого известия, подумав, что могут арестовать и ее. Она проплакала весь день, а к вечеру вернулась свекровь. Она молча прошла к столу, села и, скинув с головы платок, обхватила седую голову руками. Какое-то время сидела словно в забытьи, а затем стала ритмично раскачиваться из стороны в сторону и вдруг заголосила: «Сыночек мой родненький! Да на кого же ты меня, старую, оставил?..»

---

¹⁷ Обновленческое духовенство – участники церковного раскола в Русской Православной Церкви в 1922–1946 годах, подержавшие так называемое “обновленчество” – движение, возникшее в условиях репрессий со стороны советской власти. Обновленческое духовенство выступило за радикальные реформы церковной жизни, включая изменение богослужебных текстов, отказ от старых обрядов, сокращение числа таинств и переход на новоюлианский календарь. Они также стремились к сотрудничеству с советским государством, что вызвало острое противостояние с канонической Русской Православной Церковью.

¹⁸ Беломорско-Балтийский канал (Беломорканал, ББК) – судоходный канал, соединяющий Белое море с Онежским озером, обеспечивая таким образом водный путь в Балтийское море и далее – в единую систему Волго-Балтийского водного пути. Протяженность канала составляет около 227 километров. Строительство канала велось в 1931–1933 годах в условиях экстремальных климатических условий и в основном силами заключенных ГУЛАГа.

¹⁹ Горхоз – разговорное, неформальное название органа исполнительной власти, осуществляющего управление и координацию вопросов городского хозяйства.

²⁰ Истопник – рабочий, ответственный за топку печей, отопительных котлов или других теплогенерирующих устройств в зданиях жилого, административного или промышленного назначения.

У Анастасии потемнело в глазах, а в ногах появилась слабость. Она кое-как добрела до постели, на которой поверх покрывала лежала спеленутая дочь, и легла, прижав малышку к себе. Крепко зажмурив глаза, она молча слушала жалостливые подвывания свекрови, а из ее глаз даже сквозь сомкнутые ресницы сочились крупные слезы.

Несколько слезинок упало на лицо маленькой Зои, и та, недовольно морщась, завертела головой, а потом, проснувшись, задала такого реву, что сразу же перекрыла им причитания своей бабушки.

Гибель мужа на Финской войне²¹ словно изменила весь мир вокруг Анастасии. Ей казалось несуразным и даже обидным, что люди продолжают куда-то спешить, что-то делать, о чем-то разговаривают, спорят, ссорятся, смеются. «К чему это все, – думала она, – если нет Паши».

Свекровь, видя такое состояние невестки, испугалась за нее.

– Ты, Настя, по мужу-то плачь, но и не забывай, что у тебя ребенок. О дочери подумай.

Но она и о дочери не думала.

Словно от забытья очнулась Анастасия, когда малышка заболела. Девочка угасала с каждым днем и даже плакать от слабости не могла. Врач, осматривая ее в больнице, вздыхал и на расспросы матери отвечал односложно: «Пока ничем обнадежить не могу. У ребенка двустороннее воспаление легких. Мы сделали все, что могли, но организм слабый. Вот наступит кризис, тогда все и решится».

В этот же вечер Анастасия схватила дочь, накинула телогрейку прямо поверх больничного халата и побежала к Петропавловскому храму. Почему именно туда, она объяснить не могла. Ноги сами несли ее, и остановилась она только на пороге церкви, где на двери висел большой амбарный замок.

В спускавшихся на землю сумерках еще была различима икона Божией Матери, висевшая над входом в храм.

Прижимая к себе укутанную в одеяльце малышку, Анастасия опустилась на колени и стала горячо молиться. Еще в детстве со своей мамой она выучила две молитвы: «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся». Теперь она их и шептала, добавляя к ним свои просьбы о даровании дочери выздоровления от хвори. При этом в голове крутилась неотвязчивая мысль: разве могут помочь молитвы за некрещеную?

Как подошла незнакомая пожилая женщина и встала с нею рядом на колени, Анастасия не заметила, а заметив, испуганно замолчала. Незнакомка осенила себя крестным знаменем и неожиданно запела приятным грудным голосом: «Царице моя Преблагая, Надеждо моя Богородице, Приятелище сирых и странных Предстательнице, скорбящих Радосте, обидимых Покровительнице! Зриши мою беду, зриши мою скорбь, помози ми яко немощну...»²²

Невольно прислушиваясь к словам молитвы, Анастасия думала: «А ведь это все обо мне. Это я скорбящая, это я обидимая.»

«Обиду мою веси, разреши ту, яко волиши; яко не имам инья помощи, разве Тебе.» – пела между тем женщина, и Анастасия тихо заплакала. Это были уже не горькие слезы, а какие-то благодатные, успокоительные.

Закончив петь, женщина встала с колен и протянула руки. Анастасия, не колеблясь ни минуты, передала в ее руки дочь и встала сама. Женщина направилась к церковной сторожке, а Анастасия последовала за ней. В сторожке женщина молча положила малышку на широкую лавку и ловко распеленала ее.

– У твоей девочки сильный жар, надо сбить температуру, – это были первые слова, произнесенные женщиной.

---

²¹ Советско-финляндская война (1939–1940) – война между СССР и Финляндией, вызванный стремлением Советского Союза усилить оборону своих северо-западных рубежей и улучшить стратегическое положение в регионе.

²² Начало одной из самых трогательных и почитаемых молитв к Пресвятой Богородице, известной как «Молитва к Богородице в скорбях», или «Покровительница скорбящих и обиженных».

– Как сбить? – почти простонала Анастасия. – Я убежала из больницы. Я теперь только на Бога надеюсь, только на Него.

– Это хорошо, что на Бога. Больше сейчас не на кого надеяться, – с этими словами женщина взяла из шкафа бутылку уксуса. Она развела уксус водой и, омочив в нем тряпку, стала протирать тело малышки.

– Ребенок некрещеный? – спросила женщина, продолжая обтирать девочку уксусом.

– Мы не могли найти батюшку, чтобы окрестить, – робко ответила Анастасия.

– Найти трудно, но теперь надо самим крестить.

– Как это самим?

– Меня зовут Вера, – вместо ответа представилась женщина, – для тебя тетя Вера буду. Я здесь при церкви и за сторожа, и за просвирню²³ была. А когда милиция пришла священников и церковников забирать, я как раз в больнице лежала. Вот меня одну и не взяли. Почему так получилось, сама не знаю, видно, воля Божия в том. А ребенка, коли опасность смертная, а священника нет, может крестить любой христианин. Это я точно знаю. А коли выживет дитя, то потом батюшка все по правилам церковным доканчивает. А уж коли не выживет, то христианином помрет, и за его душу ангельскую можно быть спокойной.

– Тетя Вера, помогите Христа ради, окрестите доченьку, раз это можно.

– Можно, родимая, вот только сейчас водички святой достану. Каким именем крестить будем?

– Зоей назвали.

– Хорошо назвали. Зоя – это «жизнь»²⁴. Милостив Господь, может, и будет жить ваша доченька. Надо молиться.

---

²³ Просвирня правильное, просфорня лицо – занимавшееся изготовлением просфор для церкви.

²⁴ Имя Зоя происходит от греческого слова ζωή, что означает «жизнь».

Глава 6. Капитан Плетнев начинает действовать

Капитан Плетнев Сергей Анатольевич, сотрудник Четвертого управления КГБ по Куйбышевской области, внимательно выслушал по телефону распоряжение своего начальника полковника Панина и коротко сказал: «Есть, товарищ полковник. Приму меры и доложу».

Положив трубку, Плетнев глянул на наручные часы и задумался. Было четверть второго ночи. Уж если начальство не поленилось позвонить ему в такой час, то время тянуть не стоит. Надо срочно выезжать на объект. Он позвонил в ведомственный гараж дежурному водителю и распорядился насчет автомобиля. Затем обзвонил сотрудников своего отдела. Надо обязательно иметь трех-четыре человека помощников. Подняв ребят с постели, велел им тут же выдвигаться к восьмидесяти четвертому дому по улице Чкалова. Младшему лейтенанту Козыреву велел пройти прямо в дом, а двоим скрытно наблюдать за обстановкой на прилегающей территории и ждать его прибытия.

Служебную машину Плетнев остановил, не доезжая квартала до объекта, и пошел пешком. Шел специально по нечетной стороне улицы, внимательно оглядывая дома напротив. Вот и интересующий его дом. Своих топтунов Плетнев срисовал сразу. Стояли грамотно. Сделал им незаметно знак, чтобы оставались на месте.

Возле калитки дома № 84 торчали трое субъектов в явном подпитии. Плетнев приблизился к ним, стараясь не обнаружить себя. Этому он научился, еще когда сержантом служил в наружке²⁵. Да, собственно, близко и не надо было подходить, мужики разговаривали во весь голос.

– Да я сам видел, сам лично, – буквально кричал один из них.

– Чего ты мог видеть, тебя что, в дом пропустили?

– Я видел еще до того, как милиция пришла, ты понял?

– А, и чего ты там видел?

– Бабу окаменевшую видел, вот чего видел.

– Прямо окаменевшую?

– Вот именно. Стоит вся белая как мрамор и не шелохнется. Окаменела, короче.

– А чего окаменела-то?

– Так я же толкую, она с иконой танцевала, вот ее Бог и наказал.

– Да брось ты заливать, никакого Бога нет, выдумки это.

– А ты откуда знаешь, что Его нет, а может, и есть.

– Вот деревня, да это каждый школьник знает, что нет. Наука давно все доказала.

– А раз доказала, так иди и потанцуй с иконой. Сам и проверишь, нет Бога или есть.

– Нашел дурака, чтобы на себе проверять. Что-то там все же есть, – и сомневающийся мужик направил указательный палец в сереющее зимним рассветом небо, – только не нашего ума это дело.

В разговор вмешался третий:

– Нашли о чем спорить, вы бы лучше мозгами раскинули, где нам бухла раздобыть.

Дальше Плетнев уже не слушал. Для него было ясно, сплетен не остановить, а с очевидцами события надо работать, чтобы эти сплетни не подогревались. Уже не таясь, он направился к группе мужчин.

– Товарищи, а что здесь случилось? – с самым невинным видом задал вопрос Плетнев.

---

²⁵ Наружка – неформальное, разговорное название наружного наблюдения, которое осуществляется правоохранительными органами (например, полицией или спецслужбами) с целью слежки за подозреваемыми лицами, группами или организациями.

Услышав такое обращение, мужики с удивлением уставились на него, но, разглядев в Плетневе человека интеллигентного, при галстукке, снисходительно ответили, кивая в сторону дома:

– Там девка с иконой танцевала и окаменела.

– Прямо сейчас придумали? – издевательски хмыкнул Плетнев, наблюдая, как у мужиков, которые сами еще недавно сомневались, от возмущения вытянулись физиономии.

– Вали-ка ты отсюда, коли честным людям не веришь!

Плетнев, ожидая подобной реакции, не оскорбился, а, улыбнувшись, спросил:

– А разве кто-нибудь видел?

– Ну я видел, доволен? – очевидец, отделившись от друзей, угрожающе приблизился к Плетневу.

Но тот не стушеввался:

– Это вам просто показалось, дорогой товарищ.

Опешив от такой наглости, мужик уставился на Плетнева, даже не зная, как на это реагировать.

– А если по мусалам, за оскорбление недоверием? – наконец нашелся он.

Капитана это предложение нисколько не смутило. Ему надо было этого человека как-то отделить от компании и поговорить по душам, пока тот не успел смыться – ищи потом ветра в поле.

– По мусалам можно, но лучше давай спорить на бутылку, что там никакой окаменевшей бабы нет, – предложил неожиданно Плетнев.

Все уже с интересом и даже с уважением посматрели на интеллигента, повернувшегося к ним нежи-данной стороной, такой понятной и близкой, и дружно загалдели:

– Давай, Семен, спорь. Видишь, выпивка к нам сама подкатила.

Один из друзей разнял руки спорщиков.

– Ну, пошли, – кивнул в сторону дома Плетнев.

– А мусора²⁶?

– А я знаю волшебное слово.

– Во как, – засмеялся мужик, – тогда пошли.

Перегородившему дорогу сержанту Плетнев сунул под нос удостоверение в раскрытом виде и вошел в дом, пропуская вперед себя спорщика.

Вышли они минут через пятнадцать уже втроем, вместе с Козыревым. Плетнев дружески хлопнул мужика по плечу.

– Иди, Захаров, да повинись перед своими дружками, что разыграл их. И помни: будешь болтать, поедешь так далеко, что туда даже письма не доходят.

– Да понял я, – буркнул мужик и поплелся к своим товарищам.

Плетнев в задумчивости почесал переносицу и весело посмотрел на Козырева:

– Ну что, младший лейтенант, впечатлила тебя картина?

– Да уж, – глубокомысленно произнес Козырев, – но как такое может быть?

– Что и говорить, мир полон загадок. Но ты не ломай себе голову, у нас с тобой сейчас задача банальная: законопатить дыры.

– Какие дыры? – не понял Козырев.

– Чтобы корабль течь не давал, – хохотнул Плетнев. – Поехали к смежникам²⁷, а нашим передай мое распоряжение: пока пусть здесь потопчутся.

---

²⁶ Мусор – жаргонное, пренебрежительное название полицейского или иного служащего органов правопорядка, употребляемое преимущественно в криминальной среде.

²⁷ Смежник – неформальное название предприятия, связанного с другим предприятием в рамках единого технологического процесса или выпуска взаимосвязанных изделий; также может означать специалиста, занятого в отрасли или производстве, смежном с основным направлением деятельности организации.

Глава 7. Умник – козырный пацан

То, что случилось в эту ночь, Вадима Болонкина не просто потрясло, а буквально перевернуло всю душу. Жизнь человеческая теперь представлялась ему такой космической карточной игрой. Карты человеку раздает сам сатана. Играть с ним бесполезно, потому как сатана играет нечестно, передергивает. Как ни старайся, а у тебя обязательно будет или недобор, или перебор. А это означает только одно – смерть. И смерть не только тела, но и души. То, что душа у человека есть, Вадим не сомневался. Болеть может только то, что есть на самом деле. А душа, она ведь и болит, и радуется, и тоскует. Разве может болеть, например, идея или выдумка?

Вот сегодня в его доме и случился перебор. Взять с божницы икону и пойти с нею танцевать – это явный перебор. Для Вадима было непонятным не то, что Зоя застыла с иконой, окаменела, а то, что при этом она осталась жива. Потусторонние силы не испепелили девушку, они пожалели ее. Вот это и потрясло Вадима до глубины души. Что же это выходит, значит, Бог не хочет погибели даже грешников, а хочет, чтобы они вразумились? А вот дьявол-то наверняка желает одного – погибели человека.

Такие мысли бродили в голове Болонкина Вадима по кличке Умник, когда они с Ларисой шли домой к матери Зои, чтобы поведать ей о случившемся. Полтора часа их продержали в отделении милиции. Снимали показания и составляли подробные протоколы всего происшествия.

Потом отпустили, но предупредили, что они могут еще понадобиться для уточнения каких-нибудь деталей.

Вадим Болонкин хоть и слыл среди уголовников Куйбышева козырным пацаном, но как-то не очень вписывался в их блатную компанию. Какая-то «неправильность» в нем замечалась. Дело даже не в том, что Болонкин любил читать книги, за что и получил кличку Умник. Странности у любого блатного могут быть. Так, например, Филин, знатный домушник²⁸, был просто помешан на музыке. Да только не на блатных песенках, а классику любил. На этом один раз и погорел. Залез в квартиру директора театра оперы и балета, а там патефон с пластинками. Филин не удержался, поставил реквием Моцарта, да так заслушался, что взяли его, голубчика, тепленьким прямо возле патефона.

У Умника была другая странность. Карманником он был классным. Просто мастер своего дела. Лопатник²⁹ у лоха стырит на раз, а на два сунет назад в тот же карман, но уже очищенный от купюр. Вот только очищал он исключительно солидных клиентов, а старушек-пенсионеров не трогал. Такая избирательность вора была непонятна. Щипать жирных гусей³⁰ и сложнее, и опасней, чем старух. С ними все просто: бритвой по сумке чиркнул – и кошель сам тебе в руки валится.

Вторая же странность, замеченная за ним, – это то, что он совсем не ругался матом. По фене Умник ботал³¹ как заправский уркач³², но матерщины не любил. Вот до чего доводит чтение умных книг.

Вадим шел молча, а Лариска все причитала:

---

²⁸ Домушник – разговорное, иногда жаргонное название квартирного вора, то есть преступника, специализирующегося на совершении краж имущества из жилых помещений.

²⁹ Лопатник – разговорное, иногда жаргонное название бумажника или кошелька – небольшого портативного изделия (чаще из кожи или заменителей), предназначенного для хранения денег, документов, фотографий и других личных мелочей.

³⁰ Щипать жирных гусей – обворовывать богатых людей.

³¹ Ботать по фене – разговорное выражение, означающее разговаривать на арго или воровском жаргоне («на фене»). Термин происходит от слова «ботать» – говорить, беседовать, что заимствовано из криминального сленга.

³² Уркач (урка, уркаган, уркан) – разговорное, жаргонное пренебрежительное название опытного уголовника, профессионального преступника, хорошо знакомого с тюремной и блатной культурой.

– Ну зачем, зачем она это сделала? Я же ей говорила: «Зойка, что ты творишь, Бог ведь накажет». А она: «Вот пусть и накажет, если Он есть». Да разве нам дано знать, что там есть, а чего нет? Разве можно с такими вещами шутить? Ой, глупая девка, глупая. Ну подумаешь, парень не пришел. Да при ее-то красоте таких можно хоть сотни закадрить. Что мы теперь Анастасии Егоровне скажем? Она ведь с ума сойдет от такого. Вадим, да что ты все молчишь! Мне страшно, а он молчит.

Болонкин остановился и задумчиво посмотрел на подругу.

– Слушай, Лариса, а ты молнию видела?

– Не помню. Я от страха чуть сама не умерла. А что?

– А я видел, сверкнуло что-то, а потом вроде гром. У меня тогда мысль промелькнула, что Зойка твоя сгорит, а вместе с нею и все мы.

– Да Бог с тобою, – испуганно проговорила Лариса, – мы-то за что? Мы с иконой не танцевали.

– Тоже мне, святоша нашлась. У тебя хотя бы крестик на груди есть?

– Нет, – испуганно схватилась Лариса за грудь.

– Не тушуйся. У меня крестик есть, да зато грехов не счесть. Это, Лариска, нам предупреждение.

– Вадик, ты меня опять пугаешь. Какое предупреждение?

– А такое, что надо бы в церковь сходить.

В окнах дома, где жила Зоя Карнаухова, горел свет.

– Видишь, – прошептала Лариса, – не спит Анастасия Егоровна, ждет. И что мы ей скажем?

– А что есть, то и скажем, – Вадим решительно направился к двери.

Стучать долго не пришлось. Дверь тут же распахнулась. Анастасия Егоровна увидела Ларису с незнакомым молодым человеком и в испуге прижала обе руки к груди:

– А Зоя где? Что с ней?

– Она в его доме стоит, – растерянно ответила Лариса, показывая на Вадима.

– Стоит? – удивленно переспросила Анастасия и перевела взгляд на Вадима.

Тот, решительно отстранив Ларису, шагнул к двери.

– Да вы не волнуйтесь, мамаша. Ваша дочь жива. А почему стоит, мы вам сейчас расскажем.

– Ой! Да что это я? Проходите, пожалуйста, – спохватилась Анастасия Егоровна.

Они прошли и, не раздеваясь, присели к столу. После того как Вадим заверил Анастасию Егоровну, что они ей все расскажут, Ларису буквально распирало от нетерпения сделать это самой. Боясь, чтобы Вадим не опередил ее, она торопливо начала:

– Так вот, Анастасия Егоровна, собрались мы, значит, отмечать старый Новый год у него в дому, – она указала на Вадима. – А Зоин ухажер, мастер-практикант из нашего цеха, не пришел. Хотя до этого обещал, я сама слышала. Ну, мы, как полагается, посидели за столом, а потом и танцевать стали. Мы танцуем, а Зоя одна сидит. Вижу: переживает девка. Ну, я Вадима и попросила, чтобы он Зойку тоже танцевать пригласил. С меня-то что, убудет разве, а подругу жалко. Вадим к ней и так и этак, а она ни в какую. Николая, говорит, своего буду ждать. Ее ухажера так звали. Ну и сидела так весь вечер, ждала. А потом вдруг вскочила, подбегает к божнице, хватает икону и говорит: «Если ко мне тот Николай не пришел, так я с этим Николаем танцевать буду!»

Анастасия горестно всплеснула руками:

– Так что же вы ее, глупую, не остановили! Это же лукавый, его работа. Господи, прости Ты меня, грешницу!

– Да как остановишь? Вы же, Анастасия Егоровна, свою дочь знаете. Упрямая она. Уж коли ей что втемяшится в голову... Я, между прочим, пыталась, да где там. Только один круг с

иконой и прошла, а потом как громыхнет что-то, и свет погас. Мы чуть со страху не померли. Друг Вадима, Олег, тот сразу сообразил, что пробки выбило. Так оно и оказалось. А когда свет включили, смотрим: стоит наша Зойка с иконой и не шелохнется. Мы к ней, а она – ну вот как есть каменная.

Анастасия Егоровна, словно уже не слушая Ларису, сидела, сложив руки на груди и прикрыв глаза, что-то шептала.

– Вам плохо? – с беспокойством спросила Лариса.

Женщина открыла глаза и встала. Повернувшись к образам, перекрестилась и молча направилась к вешалке. Надев пальто и обернув голову теплым платком, она тихо проговорила:

– Мне бы к дочери надо. Отведите, Христа ради, к моей девочке.

* * *

Прибыв в Ленинский райотдел милиции, Плетнев с Козыревым первым делом изучили протоколы опроса участников злополучной вечеринки. Картина сразу прояснилась. Вместе с Зоей было всего пять человек. Болонкин Вадим и его подруга Крапивина Лариса, упаковщица 8-го цеха трубного завода. Вторая пара: Буланов Олег, электрик из РСУ-7, и его подружка Пряжкина Галина, формовщица хлебобулочного комбината. Шестым, как следует из опроса Крапивиной, должен был быть Николай Трошкин, мастер все того же 8-го цеха трубного завода. Интересно, почему же он не пришел? Надо бы выяснить.

Плетнев выписал в блокнотик домашние адреса всех участников вечеринки и тут же отправил Козырева по адресу Буланова и Пряжкиной. Затем попросил лейтенанта Мельникова снять копии со всех протоколов и поспешил к месту проживания Ларисы Крапивиной. Там он рассчитывал встретить и Вадима Болонкина.

К его разочарованию, Ларисы дома не оказалось, а значит, непонятно, где разыскивать Болонкина. Поразмыслив над этой задачей, Плетнев пришел к выводу, что искомая им парочка могла пойти к матери Зои Карнауховой. Коли Лариса – подруга Зои, то постарается навестить мать, чтобы сообщить о случившемся с ее дочерью несчастью.

Подоспел он вовремя. Анастасия Егоровна с Вадимом и Ларисой как раз выходили из дома. Обрадованный такой удачей, капитан не таясь пошел им навстречу.

– Здравствуйте! Вы мама Зои Карнауховой? – и, не дожидаясь ответа, тут же добавил: – Я вас подвезу к дочери, если не возражаете.

Вся троица в недоумении воззрилась на Плетнева, и хотя Вадим уже догадывался, из какого ведомства нарисовался этот улыбчивый субъект, все же спросил:

– А, собственно, кто вы такой будете?

У Плетнева было хорошее настроение, и он продолжил в том же духе:

– Умный вопрос, гражданин Умник, то есть, простите, гражданин Болонкин. Вот прибудем на место, вам все и разъяснят.

– Чего разъяснять? Мы все рассказали в милиции, под протокол.

– Протоколы я читал, но надо бы кое-что уточнить.

– Никуда я не пойду, я спать хочу, – насупился Вадим.

– Я к вам, Вадим Сергеевич, по-доброму, а вы сразу в отказ, нехорошо, – Плетнев осуждающе покачал головой. – Я же и по-другому могу, только зачем это вам?

По дороге к дому на Чкалова Плетнев все обдумывал, как же ему поступить с матерью Зои. С Болонкиным все ясно: урка – он и есть урка. Такого можно не церемонясь упрятать, коли будет на то необходимость. Да и с его подружкой, Лариской, сложностей нет. А вот как быть с матерью? В своем материнском горе разве будет она молчать? Нет, не будет. Обязательно станет искать, чем дочери помочь, и первым делом к попам пойдет. Проблема, над которой ломал голову Плетнев, неожиданно разрешилась сама собой. Увидев Зою, стоящую с иконой,

Анастасия Егоровна только и успела сказать: «Доченька моя, прости меня, не уберегла...» – и тут же лишилась чувств.

Плетнев такой удобный случай не упустил. Он вызвал «скорую» и отправил Анастасию Егоровну в больницу, да не простую, а такую, где она будет под постоянным надзором.

Глава 8. Андрей Андреевич

В это раннее воскресное утро секретарь Куйбышевского епархиального управления Андрей Андреевич Савин бодро шагал по улице Чкалова, направляясь на службу в храм. Свою секретарскую должность он неизменно сочетал с иподиаконским служением³³ при Куйбышевском епископе Иерониме³⁴. Сегодня владыка должен был служить в Петропавловской церкви, вот Андрей Андреевич и спешил в храм, чтобы загодя подготовить все к встрече архиерея.

Обычно улица Чкалова в семь утра, да еще и в воскресный день, была малолюдна, а потому толпа людей у дома напротив зеркального цеха весьма удивила епархиального секретаря. Он пригляделся внимательно, не горит ли дом. Но пожара не наблюдалось. Может быть, похороны? Так и для них вроде бы время раннее. Как ни торопился Андрей Андреевич, но любопытство взяло вверх, и он остановился, чтобы выяснить, по какому случаю собрались люди.

Прислушиваясь к разговорам в толпе, Андрей Андреевич пытался понять, что же здесь произошло. Тут он заметил Пелагию Петровну, певчую левого клироса³⁵ Петропавловской церкви. Подойдя к ней сзади, он наклонился к уху женщины и вполголоса проговорил:

– Доброе утро, Пелагия Петровна. Вы меня не просветите, что здесь происходит?

Женщина вздрогнула от неожиданности и обернулась. Увидев секретаря епархии, просветлела лицом.

– Ах, батюшки, Андрей Андреевич, это вы. Тут такая страсть происходит, что у меня аж мурашки по коже.

– И что же это за страсть?

– Да самая что ни на есть натуральная страсть, – Пелагия Петровна понизила голос чуть не до шепота. – Вот в этом доме святотатство приключилось. Но, слава Тебе Господи, святой Никола Угодник чудо явил... – при этих словах Пелагия Петровна перекрестилась, боязливо оглядываясь по сторонам.

Затем певчая сумела хоть и сбивчиво, но поведать о том, что сама слышала от людей.

Рассказ Пелагии Петровны на Андрея Андреевича произвел двойное впечатление. Хотелось бы верить в произошедшее чудо, да в то же время одолевали сомнения: может, люди что-то напутали или изрядно приукрасили, а на самом деле все обстоит гораздо проще, если не сказать – банально. Ну, выпила молодежь лишку и стала куролесить. Могли и икону взять, а в это время кому-то плохо стало, вот и пошли разговоры.

В конце концов Андрей Андреевич решил, что дыма без огня не бывает, и раз охраняют дом с милицией, то действительно произошло что-то из ряда вон выходящее. С этими тревожными думами он и направился в храм.

О случае на Чкаловской секретарь поведал владыке только после Причастия. Епископ воспринял услышанное с нескрываемой тревогой.

– Я тебя, Андрюша, вот о чем попрошу. Ты поговори, пожалуйста, с каждым священником отдельно. Бог весть, что там произошло: может, и ничего, а может, еще того хуже – про-

---

³³ Иподиаконское служение – церковное служение, совершаемое иподиаконом (низшей степенью церковного чина в Русской Православной Церкви), который помогает диакону и священнику во время богослужений. В обязанности иподиакона входят: подача требуемых предметов (например, кадила, Евангелия, просфор), выполнение поручений во время литургии, участие в шествиях, а также чтение определенных молитв и прошений.

³⁴ Иероним (Захаров) (1897–1966) – архиерей Русской Православной Церкви, архиепископ Ростовский и Новочеркасский, в 1952–1956 годах – епископ Куйбышевский и Сызранский.

³⁵ «Левым» клиросом по традиции называется хор, который поет за будничными богослужениями и отличается небольшим составом.

вокация какая. Словом, чтобы ни один священник и близко к тому дому не подходил. Да еще накажи, пусть языком лишнего чего... ну, ты меня понял.

– Благословите, владыка, поговорю с каждым. У нас, слава Богу, духовенство понятливое, – заверил архиерея Андрей Андреевич.

Архиерей проводил Савина теплым взглядом. Своего тридцатипятилетнего секретаря епископ Иероним любил как сына и полностью доверял ему. Об Андрее Андреевиче он знал все. И что тот воспитывался и вырос в благочестивой православной семье, и что он уже с семилетнего возраста прислуживал в храме. А в четырнадцать лет стал иподиаконом в единственном оставшемся православном храме Оренбурга. Когда же в 1937 году арестовали Оренбургского епископа Алексия (Кононова)³⁶ и все духовенство, бесстрашный юноша поехал в Москву выпрашивать для Оренбурга священника.

В 1938 году Оренбург переименовали в Чкалов и закрыли последний действующий в городе храм. Андрей Андреевич успел вынести из храма и спрятать икону Божией Матери «Семистрельная», шесть ковчежцев с мощами, антиминс³⁷, два серебряных креста, Евангелие, кадило, серебряные архиерейские трикирий³⁸ и дикирий³⁹, посох и облачения.

В 1940 году Андрей Савин окончил Чкаловский трехгодичный учительский институт и был призван в армию. Началась война, и он оказался на Ленинградском фронте.

Прошел всю войну. В каких только переделках ни побывал, но остался жив, получив лишь легкую контузию. Спасала молитва. В гимнастерку Андрей зашил нательный крестик, а под обложкой англо-русского словаря спрятал образок Иверской иконы Божией Матери.

В мае 1945 года Андрей Андреевич возвратился домой с орденом Красной Звезды, орденом Славы III степени и медалью «За отвагу». Ни минуты он не колебался, какой ему выбрать жизненный путь, – только служение Богу.

---

³⁶ Алексей (Кононов), обновленческий архиепископ Оренбургский, управлял Оренбургской митрополией с 29 октября 1922 года по 31 августа 1937 года.

³⁷ Антиминс (от греч. ἀπί – место и лат. тепза – трапеза, стол) – прямоугольный холщовый или шелковый священный покров с изображением погребения Христа, внутри которого находятся частицы мощей мучеников или святых. Используется в богослужении Православной Церкви как подкладываемый на жертвенник аналоя во время Литургии.

³⁸ Трикирий – церковное богослужбное устройство, представляющее собой трехстворчатый подсвечник с изображениями Иисуса Христа, Божией Матери и святого Иоанна Крестителя или других святых. Используется епископом во время богослужений как символ его архипастырского достоинства и власти.

³⁹ Дикирий – церковное богослужбное приспособление в виде двухстворчатого подсвечника, которым пользуется епископ во время богослужений. Символизирует двойную природу Иисуса Христа – Божественную и человеческую. Дикирий вместе с трикирием (трехстворчатым подсвечником) используется епископом при совершении освящений, возгласов и других архиерейских чинов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.